

(начало на стр. 4)

Думается, тогда, в Красной Пахре, Твардовский укрепил молодых литераторов в главных заповедях писательского труда. В своих записях Вампилов касается таких тем. Например: “Поэзия всегда противоречила жизни”, “Лучшие, самые красивые, возвышенные слова сейчас до того скомпрометированы газетами и ремесленниками, столько от них пыли, плевков и ржавчины, что — сколько надо думать и чувствовать, чтобы эти слова употребить в их высшем назначении”.

Здесь уместно будет сказать и о восприятии Александром уроков других корифеев русской литературы. Свидетельства об этом рассыпаны по разным мемуарам, статьям, заметкам. По-старшему свести вместе хотя бы некоторые из них, чтобы вырисовалась цельная и живая картина.

Вячеслав Шугаев в записках о совместной с Александром поездке на север Иркутской области в шестьдесят третьем году рассказывал:

“Днём мы ходили в сельскую библиотеку. ...несколько часов пробыли в маленькой, похожей на баню избушке с большим и прекрасным подбором сочинений русских классиков в сытинском и саблинском изданиях. Саня с темно-зеленым томиком в шедром тиснении, напечатанным, конечно же, на веленовой бумаге, отошёл к окну. Полистал, уселся на лавку:

— Вот тебе и Кеуль. Можем здесь осесть, вступить в колхоз, стать образцовыми книгошоами. Послушай-ка... Темно-зелёный томик оказался “Выбранными местами из переписки с друзьями”.

“Театр ничуть не безделица и вовсе не пустая вещь, если примешь в соображение то, что в нём может поместиться вдруг толпа из пяти-шести тысяч человек и что вся эта толпа, ни в чём не сходная между собою, разбирая по единицам, может вдруг потрясаться одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра”.

Менялся, долго читали вслух.

— Хоть Белинский и разругал эти “Места”, а слог у них всё равно отменный, — говорил Саня, когда мы закрывали библиотеку”.

Другой иркутский писатель Дмитрий Сергеев словно бы продолжил этот рассказ:

“Ничуть не удивило меня его особое пристрастие к Гоголю. Однажды Саня ехал из Москвы в Иркутск поездом. Чаще он летал, экономя время, а тут — поездом, четверо суток. Я спросил — не надоело, не скучал ли?

— Да я как-то и не заметил дороги. Встречал ты такого чудака, который в поезде читает “Мёртвые души”? — улынулся он. — Случайно попалась книга, взял полистать... Мы ведь, можно сказать, не читали Гоголя. Не так нужно читать, как в школе и в вузе читают. Ты обязательно перечитай.

О Гоголе и тоже по поводу “Мёртвых душ” говорил:

— Кудесник! Пишет почти на грани по-

шлости и банальности. Чуть-чуть бы ещё пережал — и полилась графомания, но он чувствует меру — ввернул одно-два слова, и всё встало на место. В результате — гениально”.

Эта черта была ему свойственна: ражать своими увлечениями других.

— Прочитай “Записки из подполья”. А... читал, тогда перечитай. Эту книгу нужно перечитывать.

Сам он “Записки из подполья” прочёл дважды кряду; только закончил и тут же перечитал”.

Классик русского театра

Наш однокурсник, журналист Виталий Зоркин припомнил дружеский спор с Александром. В гостях у Вампилова Зоркин заметил на видном месте том

театре” интересную мысль. Мечтать о том, что могло бы быть, — это значит, предаваться детским забавам, когда можно изобразить то, что есть. Реальное не может быть ни вульгарным, ни постыдным, потому что из реального состоит весь мир.

За нашими картинками, которые шокируют одних и ужасают других, люди должны видеть колоссальную фигуру Человечества”.

Дмитрий Сергеев припомнил и о поэтических пристрастиях Александра.

“То, что он хорошо знает драматурию (русскую и мировую, прошлых веков и современную), мне было известно и представлялось вполне естест-

Он взял с полки увесистую книгу из блоковского восьмитомника, пробежал глазами оглавление и, открыв нужную страницу, стал читать вслух.

Опять, как и раньше, окупнулся я в стихию его своеобразного чтения. Это было чтение человека, который провидит в строках какой-то глубинный смысл. Как камень в гулкую пропасть, бросил он тяжёлые слова:

В сердцах, восторженных когда-то, Есть роковая пустота.

А внешне простые строки произнёс удивленно, как можно удивиться непостижимой тайне:

Так за что ж подарил мне ты Луг с цветами и твердь со звездами — Всё проклятье своей красоты?

Я снова убедился, что Вампилов остро чувствует самоценность искусства; на этом основывалась его культура, и не только языковая.

Читатель не мог не заметить, что вампиловское слово перекликалось со словом то Достоевского, то Толстого, то Чехова. Это не заученное повторение учеником мыслей наставников. Это настроенность на одну волну родственных душ. Продолжение учительского раздумья, подтверждение новым опытом жизни верно сформулированного, мудро осмысленного правила. Ну и что, если наследник повторил слово патриарха, — зато нить духовного осмысления земного бытия не прервалась, она длится, крепка и надежна. Держа её, путеводную, пойдут дальше новые поколения.

Геннадий Николаев вспоминал, рассказывая о Вампилове:

“Много в ту ночь мы говорили о Достоевском. Вампилов знал его великолепно... Ему ближе Чехов, но Чехов был ему ясен, и, видимо, поэтому он говорил о нём меньше. В Достоевском он искал что-то своё, для себя, может быть, примеривался к чему-то. Помню, как-то в Доме писателей в Иркутске, на встрече с чилийскими коммунистами, он вдруг произнёс целую речь о Достоевском.

Никто, разумеется, не записывал наших выступлений, запомнилось лишь впечатление поиска, экспромта, своеобразной работы вампиловской мысли, напоминающей взаза-ние сложного узора, узелок к узелку”.

Всё, что относилось к классикам — их произведения, дневники, письма, воспоминания о них, — было “золотым запасом” Александра Вампилова. Он интересовался этим не из интеллигентского любопытства, не для того, чтобы при случае блеснуть редкими знаниями. Это было его богатство, которое помогало отточить мысль, найти точное слово, в конце концов, перебить в споре, как в игре, ставку самовлюблённого невежи.

Достоевский в “Записках из Мёртвого дома” приводит одно расхожее утверждение, не соглашаясь с ним, споря болезненно, упрямо:

“Пора бы нам перестать апатически жаловаться на среду, что она нас заела. Это, положим, правда, что она многое в нас заедает, да не всё же, и часто иной хитрый и понимающий дело плут прелово прикрывает и оправдывает влиянием этой среды не одну свою слабость, а нередко и просто подлость...”

Позже в “Дневнике писателя” Достоевский продолжил эту мысль:

“Ведь этак мало-помалу придём к заключению, что и вовсе нет преступлений, а во всём “среда виновата”... “Так как общество гадко устроено, то нельзя из него говорить без ножа в руках”. Вот что говорит учение о среде, в противоположность христианству, которое, вполне признавая давление среды и провозгласивши милосердие к согрешившему, ставит, однако же, нравственный долгом человеку борьбу со средой, ставит предел тому, где среда кончается, а долг начинается”.

А у Вампилова в очерке “Прогулки по Кутулику”?

“Ведь среда — это мы сами. Мы, взятые все вместе. А если так, то разве не среда каждый из нас в отдельности? Да, выходит, среда — это то, как каждый из нас работает, ест, пьёт, что каждый из нас любит и чего не любит, во что верит и чему не верит, и, значит, каждый может спросить самого себя со всей строгостью: что в моей жизни, в моих мыслях, в моих поступках есть такого, что дурно отражается на других людях?

Спросить, ответить на этот вопрос, а потом жить по-новому? Как просто! Как легко на словах и как нелегко на деле.

Да, задать себе такой вопрос — не шутка, ответить на него труднее, потому что в этом случае уже надо понимать, что хорошо и что плохо. Но какая сила нужна, чтобы от ответов и вопросов перейти к действию. Какая для этого нужна совесть, какая вера в лучшее, какое чувство справедливости, словом, сколько для этого нужно всего того, что называем мы духовным богатством человека”.

Это прямое высказывание. А пьесы, в которых герои радуются, мучаются, любят и ненавидят, как в жизни, — принимают ли они смысл вопросов, заданных писателем, и согласны ли с выводами его, так тяжело дающимися и чистой, и грешной душе? В самом деле, чтобы перейти к действию, то есть осознать, что и ты — часть среды и нужно жить по совести и поступать не дурно, а праведно, — как прийти к этому Колесову и Сильве, Шаманову и Пашке, Анчугину и Зилкову? Все ли они смогут совершить такой духовный подвиг? Не все, конечно. Значит, и трагедии в жизни останутся, значит, и душа человеческая пребудет и дальше заложницей тьмы. Но не прислушаются ли современники и потомки к слову писателя, которое, если взять корифеев литературы, приближается к пастырскому, к душестроительному?

Достоевский и Толстой всегда притягивали Александра Вампилова — свидетельству тому знавшие драматурга оставили немало. Достоевский завораживал глубиной постижения человеческой души, неожиданными, часто трудными объяснимыми поворотами в поведении героев, властным, в незначительной степени трагическим вторжением непредвиденных обстоятельств и случайностей в человеческую жизнь.

Яснополянский мудрец был близок неустанным поиском добра и света в земном бытии, тем воскресением для праведности, которое, по убеждению Толстого, было доступно каждому человеку, и падшему, и восторженному, и гордому. Это капитальное качество Вампилова — художника пока не раскрыто его многочисленными толкователями, озвученными порою лишь тем, как бы найти ещё одно внешнее совпадение в текстах пьес драматурга и сочинений его великих предшественников.

Между тем, поставьте в ряд вампиловских героев — не удивит ли вас разнообразие типов и характеров, выходящих драматургом из жизни, непохожих друг на друга, узнаваемых, кажется, только что виденных нами? Не так же ли трагически падают они в чёрный омут бытия, яростно сопротивляются искушениям и соблазнам, страдая, надеются, возрождаются для достойной жизни? А ведь эта родственность их жизненных поисков, обретенный и неудач есть особенность произведений одной художественной высоты, необычного творческого дара. В пьесах Вампилова сосуществуют ряды, отталкивая друг от друга и всё же вынужденно теряя это присутствие — всё как в жизни! — такие разные люди, как Колесов и Золотуев, Нина и Макаря, Шаманов и Пашка. Точно так же, как в сочинениях классика Фёдора Оленикина и Егора Ростанова, Свирида и Раскольников, Смердяков и Алёша Карамазов.

Да, сама жизнь, во всём разнообразии её лиц и судеб, шагнула на сцену вампиловского театра, и это явление её перед зрителем стало таким же правдивым, запоминающимся, поучительным, как и на страницах Достоевского и Толстого. Не мелкое правдоподобие, не бытовой натурализм, а жизнь с её фантастическим своеобразием, духовными уроками, оцищающими страданиями стала предметом драматургии Вампилова, а это-то как раз роднит его и с Пушкиным, и с Достоевским, и с Толстым, и с Чеховым. Имя писателя из Сибири звучит совсем не чуждо рядом с названными прославленными именами.

Писатель жёсткий и справедливый, насмешливый и добрый, одержанный и поэтичный, хмурый и улыбающийся, он достоин многих определений, иногда полярных по смыслу, и достоин потому, что он правдивый и достоверный, а жизнь, как известно, совмещает контрастные краски. Он всегда шёл за жизнью, но смотрел на неё как философ и поэт, безошибочно угадывая её божественную сущность и красоту.

Андрей РУМЯНЦЕВ

К 100-летию Октябрьской революции

Память

По воспоминаниям современников, близко знавших Сталина, у Иосифа Виссарионовича “была удивительно сильная память”.

Я не встречал людей, которые бы так много помнили, как он. Сталин знал не только всех командующих фронтами и армиями, а их было свыше ста, но и некоторых командиров корпусов и дивизий, а также руководящих работников Наркомата обороны, не говоря уже о руководящем составе центрального и областного партийного и государственного аппарата.

В течение всей войны И.В. Сталин постоянно помнил состав стратегических резервов и мог в любое время назвать то или иное формирование (А.М. Василевский “Вело всей жизни”).

“Непримечательный с виду И.В. Сталин во время беседы производил сильное впечатление...”

Свободная манера разговора, способность чётко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память” (Г.К. Жуков “Воспоминания и размышления”).

Учёные, изучающие деятельность головного мозга, дают разное определение памяти: здесь и “великое чудо человеческой организации” (И.М. Сеченов) и “память — это мы сами” (академик М.Павлов). Единственно, в чём согласны все — это то, что ёмкость нашей памяти огромна. Вместе с тем, учёные говорят, что в нашем мозгу нет каких-то особых центров памяти, а потому приходится сделать один печальный вывод: “природной” (“глубокой”, “сильной”, “редкой”) памяти не бывает. За многие века осознанной истории человечество не придумало другого метода улучшения памяти, кроме всем знакомой унылой, отвратительной “зубрёжки”, а потому за поисками ответа, где истоки сильной памяти Сталина, мы вынуждены будем обратиться в то учебное заведение, в котором он обучался — в семинарию.

Семинария

“Да что вы думаете о семинарии, а? Разве не из семинарии выходят люди с крепкой грудью, об которую разбиваются все житейские невзгоды? Разве не семинария вырабатывает эти железные натуры, которые терпеливо выносят всякий долготерпеливый, усидчивый труд? Разве не в семинарии слагаются характеры, которые впоследствии делают предметом удивления на всех попрощах общественной и государственной жизни? Кто был митрополит Платон, украшение трёх царствований? А митрополит Евгений? А граф Сперанский, этот государственный муж...”

Остановим профессора словесности из “Дневника семинариста”, воронежского поэта и писателя Ивана Никитина, учившегося сначала в приходском и уездном духовных училищах, а затем и в семинарии. Скажем, что кроме Михаила Сперанского, семинариста судальской духовной семинарии, а затем преподавателя петербургской духовной академии, можно назвать и другие имена семинаристов: маршала Советского Союза Александра Василевского, лауреата Нобелевской премии академика Ивана Павлова, историка Василия Ключевского, ректора Московского университета Любавского М.К., профессора физики Любославского

Г.А., профессора медицины Груздева В.С., ну и нельзя забывать Чернышевского Н.Г. и Добролюбова Н.А. Несмотря на столь внушительный список бывших семинаристов, избравших светский путь, считается, что семинария — духовное учебное заведение и молодые люди, учившиеся в ней, в основном стремились стать священниками, но это не так. Молодые люди, учившиеся в семинарии, стремились получить образование, не доступное им в других учебных заведениях.

В 1887 году циркуляром министра народного просвещения И.Д. Делянова предписывалось “допускать в гимназии и прогимназии только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство о правильном над ними домашнем надзоре... Таким образом, при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, коих... не следует выводить из среды, к коим они принадлежат...” Циркуляр был одобрен Александром III, получив от современников название “О кухаркиных детях”.

Сын сапожника подпадал под действие этого циркуляра, а потому обучался в семинарии. Немаловажным обстоятельством было то, что семинария давала прекрасное образование практически бесплатно.

“И.В. Сталин... задал мне (Василевскому. — П.Ф.) неожиданный вопрос: почему после окончания семинарии я “не пошёл в полк”? Я, несколько смутившись, ответил, что ни я, ни отец не имели такого желания, что ни один из его четырёх сыновей не стал священником. На это Сталин, улыбаясь в усы, заметил: “Так, так... Вы не имели такого желания. Понятно. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймём до сих пор”. Сталин, понятно, шутит. Но действительно ли Александр Василевский не собирался становиться священником? А хотел, как он пишет в своих мемуарах, “...окончив семинарию, поработать года три учителем в какой-нибудь сельской школе и, скопив небольшую сумму денег, поступить затем либо в агрономическое учебное заведение, либо в Московский межевой институт”?

Ответ на этот вопрос в биографии Василевского. Август 1914 года застаёт его перед последним классом семинарии. Охваченный патристическим порывом он просит разрешения держать экзамены экстерном, чтобы потом отправиться в армию. Священником? Ведь должность военного священника в русской армии никто не отменял. Вместо этого, после выхода из семинарии, Василевский становится юнкером Алексеевского военного училища, откуда через 4 месяца (ускоренный выпуск) он отправляется в действующую армию прапорщиком.

От частного, единичного примера перейдём к всероссийскому. В 1909 году министерство народного просвещения приняло решение: запретить доступ в университеты и институты лицам, окончившим четыре общеобразовательных класса семинарии. Ответом на это решение стала Всероссийская стачка семинаристов.

Занятия были прекращены во всех семинариях России. Стачка закончилась через несколько месяцев, когда требования семинаристов были частично выполнены. Газеты того време-

ни пишут: “В истекшем учебном году окончили Иркутскую духовную семинарию 16 человек, из которых... только двое изъявили желание остаться в духовном звании, а остальные намерены перейти в высшие учебные заведения... Красноярскую духовную семинарию в текущем году окончили 15 человек. Желавших принять священнический сан среди окончивших нет”. В 1912 году Константин Тренёв опубликовал повесть “Владыка”, написанную со знанием дела,

Секреты Сталина

поскольку будущий автор пьесы “Любовь Яровая” обучался в Петербургской духовной академии. Прочтём отрывок: “...в истекшем году из двадцати пяти окончивших семинарию пошли по духовному ведомству только пять, да и те суть последние по разрядному списку. А двадцать где? ...Печальнее же всего то, что из четвертого класса больше половины ушло в университет!”.

Приведённых примеров, пожалуй, хватит.

“Долбня”

О методах воспитания и обучения писал в “Очерках бурс” писатель Николай Помялов-

ский, окончивший приходское училище, Александров-Невское духовное училище и семинарию.

Один из его очерков так и называется “Долбня”. “Долбня ужасная и мертвящая”. Всё это так. Скрипели зубами семинаристы, заучивая по 2-3 страницы из учебника или лекционной тетради к каждому уроку литургии и гомилетики. Скрипели, но выходили из семинарии с прекрасной памятью — глубокой и сильной.

“Такая память давала Сталину преимущество как Верховному Главнокомандующему. Он не нуждался в постоянных справках, хорошо знал обстановку на фронтах, положительные стороны и недостатки первоначальных, возможности промышленности удовлетворять запросы фронтов, наличие в распоряжение Ставки запасов вооружения, артиллерии, танков, самолётов, боеприпасов, горючего, так необходимых войскам, и сам распределял их по фронтам”.

Диалектика

В очерке “Бегуны и спасённые бурсы” Помяловский рассказывает о характерном для своего времени пути, которым приходят семинаристы к материализму: “Когда для них наступает время брожения идей, возникают в душе столбовые вопросы, требующие категорических ответов, начинается ломка убеждений, эти люди силою своей диалектики, при помощи наблюдений над жизнью и природой, рвут сеть против-

О семинарии

Наше представление о семинарии и семинаристах в основном базируется на “Очерках бурс” Помяловского. Очерки, что и говорить,

Павел
ФОНАКОВ

В мае 1899 года в Тифлиской семинарии на последнем курсе к последнему экзамену готовился Иосиф Джугашвили. Ему явился Старец и призвал к себе. Начальство отпустило, но Иосиф в семинар не вернулся. Этим Старец был знаменитый архимандрит Иерон Васильев — настоятель Ново-Афонского монастыря. Что он сказал Иосифу — остаётся загадкой. Ещё одним секретом Сталина. (Из легенд о Сталине)

было большой проблемой семинарии, о чём пишут Тренёв и Никитин.

Иван Никитин назовет семинарию “мёртвой школой”!

...Читатель ряс и борода
Мёртвой школе гимн поёт.
Ох, знаком я с этой школой!
В ней не видно перемен.
Та ж наука — остов голый.
Пахнет сыростью от стен...

Помяловский не пустит в семинарию на учёбу своего брата: “Сам погиб, но брату погибнуть не дам и в бурсу не пушу”.

Ключевскому семинаристское прошлое даст возможность занять кафедру русской гражданской истории церковно-исторического отделения Московской духовной академии, где он прослужит 36 лет.

С большой теплотой вспоминал семинарию Василевский.

Какие чувства испытывал к семинарии Сталин, нам не известно.

Слух

Директора заводов, авиационные конструкторы и многие другие, работавшие со Сталиным, могли бы написать то, что написал о нём маршал Жуков:

“Чтобы идти на доклад к Сталину, нужно было быть хорошо подготовленным. Явиться, скажем, с картами, на которых имелись хоть какие-то “белые пятна”, сообщить ориентировочные или тем более преувеличенные данные было невозможно.

У Сталина было какое-то особое чутьё на слабые места в докладах или документах, он тут же их находил...”

Никакого такого “особого чутья” у Сталина не было, а был острый слух, чему свидетелем был тот же маршал Жуков: Сталин “...достал свою карту с расположением резервов Ставки, долго и пристально её рассматривал. Мы с Александром Михайловичем (Василевским. — П.Ф.) отошли подальше от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение.

— А какое “иное” решение? — вдруг подняв голову, спросил И.В. Сталин.

Я никогда не думал, что у И.В. Сталина такой острый слух”.

Жуков не придал значение слову “открытию”, а ведь в нём разгадка ещё одной тайны Сталина. Обладая острым слухом, Сталин, по малейшему изменению голоса докладчика, находил слабые места.

Другими словами, сам докладчик, зная слабые места своего доклада, изменением голоса на них указывал. Для обычного уха эти изменения не слышны, но человек с острым слухом их слышит.

Однако, одного острого слуха не достаточно, чтобы найти “белые пятна” в докладах, особенно в докладах военных, обладающих “поставленными” голосами.

В этом случае на помощь приходила знаменитая сталинская грубость: обругать военного, заставить его говорить “не своим голосом” — средство, а не цель Сталина.

Заключение

Учитывая вышеизложенное, заключение о Сталине будет написано не скоро.